

Глава 2. Социально-политические и философские взгляды П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и П.Н. Ткачева

Обращаясь к социально-политическим и философским воззрениям известных отечественных мыслителей, многие из которых были деятелями ширящегося в стране во второй половине XIX столетия революционного движения, я, как и в предыдущей книге исследования, буду ставить цель сопоставления философских и художественных идей, которые имеют отношение к представлениям о смыслах и ценностях русского мировоззрения. Это будут те вопросы и проблемы, которые в явном или скрытом виде, во-первых, стали предметом анализа мыслителей в связи с исследованием русского мировоззрения вообще и мировоззрения русского земледельца, в частности. И, во-вторых, те, которые не сделавшись предметом специального художественного рассмотрения, тем не менее, сыграли свою роль в общественной жизни и потому оказали воздействие на существо рассматриваемых тем.

Под таким углом зрения, а также в связи с именами П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и П.Н. Ткачева, нам предстоит обратиться к развиваемым ими идеям истории, прогресса, личности ...

Одной из ярких фигур – теоретиков нарождающегося в России революционного народничества был **Петр Лаврович Лавров (1823 – 1900)**. Его личность, прежде всего наряду с именами Герцена и Огарева, заставляет задуматься о неоднозначной трактовке в русской истории самой фигуры революционера как идейного возмутителя спокойствия. В отличие от людей, чье революционное ремесло состояло в непосредственном практическом действии, теоретики революционного дела были прежде всего людьми остро чувствующими потребности момента. С другой стороны, они ощущали призвание аккумулировать в себе максимально возможное знание, которое они привлекали для обоснования собственного теоретического построения или формулируемой задачи. Естественно, что сознавая эту свою роль, они должны были и реально испытывали особо острое чувство личной

ответственности за собственное слово, позицию, лозунг. И в этом – чувстве личной ответственности – надо отдать им должное, они, как правило, оказывались на высоте.

Иное дело, что порой сам лозунг, призыв или теоретическое обоснование какого-либо революционного действия объективно оказывались бесполезными или даже вредными. Однако увидеть это оказывалось возможным много времени позже, с известной исторической дистанции, каковым (видением) теоретики в свое историческое время, естественно, не обладали. С другой стороны, и само накопление «отрицательных результатов» тех или иных исторических действий не проходило без пользы: со временем возникало понимание того, что тот или иной вариант действий, средство, путь не ведут к намеченной благой цели или, более того, отдаляют ее. Сказанное в полной мере относится к Лаврову – одному из первых революционно настроенных философов, который стремился изложить свои воззрения в максимально систематизированном виде.

П.Л. Лавров происходил из древнего рода потомственных дворян Псковщины, известных на Руси с начала XV века. Для продолжения семейной традиции четырнадцатилетний Петр был отдан в петербургское Артиллерийское училище, в котором, успешно успевая по всем наукам, особенно отличался в математике. Один из его учителей всемирно известный русский академик М.В. Остроградский так мотивировал выставляемую Лаврову высокую оценку за курс: «Полный балл – 12, по совести, могу поставить только господу Богу, себе – 11, а уже выше 10 – никому другому». – «А Лаврову сколько?» - спросили его однажды. «Ну, Лаврову, кажется, надо будет поставить то же, что и мне»¹.

Постепенно к занятию математикой добавилось увлечение философией, которая с 1850 года николаевским режимом была признана бесполезной и даже вредной, поскольку развивалась в России германскими учеными. Уже в своих первых публичных лекциях 1860 года Лавров, вопреки официально

¹ Лавров. Володин А., Итенберг Б. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1981, с. 15.

признанному мнению о философии как исключительно отвлеченной науке утверждал, что, напротив, одна из ее основных целей состоит в том, чтобы каждый человек стал активно действующей личностью, то есть, ставил перед собой задачу создать философию практическую.

В соответствии с этой идеей Лавров и начал организовывать свою научную, педагогическую и публичную просветительскую деятельность. Именно за нее в 1866 году после покушения на Александра II студента Дмитрия Каракозова², а также за участие в неразрешенной «Издательской артели» с формулировкой за «преступный образ мыслей», так как более ничего полковнику Михайловской Артиллерийской академии Лаврову предъявить было нечего, он был предан суду и сослан в Вологодскую губернию. Пробыв в ссылке три года, Лавров, как раз в канун начала революционных событий в Париже, в 1870 году бежал за границу.

Написанные в 1868 – 1869 годах в ссылке «Исторические письма», к рассмотрению которых я перехожу, - результат философских изысканий Лаврова 50-х – 60-х годов. В них на стыке антропологии и практической философии автор исследует центральные для его научных интересов этого периода понятия «цельной личности», «прогресса», «цивилизации», «идеала», «государства».

Первым вопросом, который поставил перед собой высоко ставящий систематическое исследование Лавров был вопрос о субъекте познания. Придя к выводу, что установление истинной перспективы исторических фактов, равно как и уяснение их смысла зависит от теоретического багажа и личности самого мыслителя, Лавров в социологическом исследовании предложил пользоваться так называемым субъективным методом, посредством которого в попытке установить законы общественного развития отрицался объективный материальный критерий. С позиций критически мыслящего субъекта лавров ставит задачу понять процесс развития

² Согласно официальной версии, убить царя студенту помешал крестьянин Комиссаров, после чего Каракозов был схвачен сперва не жандармами, а людьми из толпы, которым он кричал: «Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!...»

человечества, определить, что можно считать его прогрессивным развитием. В качестве гипотезы он формулирует: *«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости - вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом; и прибавлю, что я в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим, более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного»*³.

Далее, как истинный сторонник точного знания, он дает исчерпывающее и, одновременно, отличающееся простотой определение: *«Развитие личности в физическом отношении лишь тогда возможно, когда она приобрела некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней, постоянных забот далеко превосходит вероятность какого-либо развития, делает последнее долею лишь исключительных личностей, а все остальные обрекает на вырождение в ежеминутной борьбе за существование, без всякой надежды на улучшение своего положения»*⁴.

Развитие личности в нравственном отношении происходит лишь тогда, *«когда общественная среда позволяет и поощряет в личностях развитие самостоятельного убеждения; когда личности имеют возможность отстаивать свои различные убеждения и тем самым принуждены уважать свободу чужого убеждения; когда личность сознала, что ее достоинство лежит в ее убеждении и что уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства»*. Что же касается развития личности в умственном отношении, то таковое Лавров связывает с потребностью и способностью личности выработки в себе *«критического взгляда на все, ей*

³ Лавров П.Л. *Философия и социология. Избранные произведения в двух томах.* М.: Мысль, 1965. Т. 2, с. 54.

⁴ Там же, сс. 54 – 55.

представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе»⁵. И, наконец, «развитие личности в нравственном отношении лишь тогда вероятно, когда общественная среда позволяет и поощряет в личностях развитие самостоятельного убеждения; когда личности имеют возможность отстаивать свои различные убеждения и тем самым принуждены уважать свободу чужого убеждения; когда личность сознала, что ее достоинство лежит в ее убеждении и что уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства»⁶. Лишь тогда, когда физическое, умственное и нравственное развитие общественно обеспечены, можно сказать, что «все данные для прогресса налицо».

Возможность сегодняшнего появления критически мыслящих личностей, подчеркивает Лавров, оплачена огромными тяготами и лишениями всего человечества. Поэтому личности, видящие свою цель «в собственном развитии, в отыскании истины и в воплощении справедливости» осознают свою ответственность как перед предками, так и перед потомками и говорят себе: «каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов. Прошедшее я исправить не могу, и, как ни дорого оплачено мое развитие, я от него отказаться не могу... Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и в будущем. Если я развитый человек, то я обязан это сделать, и эта обязанность для меня весьма легка, так как совпадает именно с тем, что составляет для меня наслаждение: отыскивая и распространяя более истин, уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение и в то же время делаю все, что могу, для страждущего большинства в

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 56.

настоящем и будущем. Итак, мое дело ограничивается одним простым правилом: живи сообразно тому идеалу, который ты сам себе поставил как идеал развитого человека!»⁷

Критически мыслящие личности, поскольку они нравственны, образованны и не принуждены заботиться о хлебе насущном обязаны начинать действовать, далее обосновывает свою позицию Лавров. «Ни литература, ни искусство, ни наука не спасают от безнравственного индифферентизма. Они не заключают и не обуславливают сами по себе прогресса. Они накапливают для него силы. Но лишь тот литератор, художник или ученый служит прогрессу, который сделал все, что мог, для приложения сил, им приобретенных, к распространению и укреплению цивилизации своего времени; кто боролся со злом, воплощал свои художественные идеалы, научные истины, философские идеи, публицистические стремления в произведения, жившие полной жизнью его времени, и в действия, строго соответственные количеству его сил»⁸. При этом, сколь бы мало таковых людей не было и сколь бы узкой не была сфера их деятельности, такие личности все равно сделаются «влиятельным двигателем прогресса». Лишь в этом случае интересы общества и критически мыслящей личности совпадают.

Прогресс никогда не совершается автоматически, сам собой, помимо усилий критически мыслящих личностей. Если усилия не предпринимаются, то устанавливается застой. И для того, чтобы застой не наступил или чтобы его преодолеть нужна «личная мысль» и «личная энергия», которая воплощает в себе «результат потребностей данной эпохи и работы мысли всего предшествующего времени. Всякий, кто не стремится всеми своими силами к осуществлению прогресса в том смысле, как он его понимает, борется *против* него. Таким образом, необходимость участия в борьбе за

⁷ Там же, с. 86.

⁸ Там же, с. 92.

прогресс является нравственным долгом личности, которая создала смысл этого понятия»⁹.

Но как участвовать в борьбе, - не может не поставить вопрос философ практического дела? Прежде всего, необходимо уяснить себе и сделать ясным для других то понимание прогресса, которое усвоила себе критически мыслящая личность. Борец за прогресс должен «скреплять свою связь» со своими единомышленниками, создать и стать членом общей организации. Борец за прогресс должен понимать, что он – плоть от плоти того общества, которое он рассчитывает изменять и потому изменение он должен начинать с самого себя, для чего прежде всего необходимо составить «план личной жизни», а далее и план общих действий организации. При этом нужно помнить, что только то представление о прогрессе может быть истинно и привлечь упорных, знающих, самоотверженных и многочисленных последователей, которое одновременно «опирается с одинаковой силой на метод науки, на эффект воображения и на расчет личного интереса»¹⁰.

В полной мере этим критериям соответствует «группа социалистических мыслителей», пишет Лавров, но, естественно, по цензурным соображениям не называет имен. В своих теоретических построениях эта группа исходит прежде всего из утверждения о принципиальной ущербности существующего экономического строя. Этот строй «неизбежно вызывает неравенство и ограничение свободы для большинства, создает господство одних классов над другими. Он в экономической конкуренции вызывает, упрочивает и узаконяет в человечестве элементы вражды между личностями, борьбы между группами и внутри групп. Он подавляет индивидуальное развитие среди миллионов людей, позволяя развиваться лишь немногим, но и тут искажая их развитие одним уже погружением их в войну всех против всех. Прогресс в настоящем возможен лишь путем радикального изменения этого

⁹ Там же, сс. 246 - 247.

¹⁰ Там же, с. 249.

неправильного экономического строя и заменю его оснований иными, допускающими всестороннее развитие каждой личности, допускающими возможно большее внесение в жизнь свободы и равенства, допускающими правду в общественной жизни. И в прошедшем прогресс заключался и мог заключаться лишь в развитии тех сторон мысли, которые уясняли людям реальное отношение вещей между собою и реальные потребности личного человеческого развития и правильного общественного строя; в усилении тех элементов общественных отношений, которые скрепляли связь между личностями и между группами и расширяли эту связь до внесения в нее всего мыслящего человечества. Иначе говоря, прогресс заключался и мог заключаться лишь и растущем сознании истины путем все более вырабатываемой критической мысли и в растущем воплощении в общественную жизнь солидарности между людьми, окончательно распространяющейся на все мыслящее человечество в его кооперации ко всеобщему развитию»¹¹. И далее – вновь открытым текстом о социализме: «В учении социализма борцы за прогресс призываются к выработке из данных реальных отношений между людьми новых отношений, допускающих солидарность между всеми мыслящими и трудящимися человеческими группами; к уяснению себе и другим тех элементов, уже существующих, которые способствуют этой перестройке, и тех, которые ей препятствуют; к выработке коллективной силы, способной воспользоваться тем, что благоприятствует изменению, и устранить или сломать препятствия, представляющиеся на этом пути; к выработке в себе и в своих товарищах по убеждению личной силы мысли и личной энергии, годной как на борьбу за прогресс с его врагами, так, еще более, для установления того общественного строя, который один может сделать возможною и упрочить солидарность между личностями и группами»¹².

¹¹ Там же, с. 258.

¹² Там же, с. 259.

От этого пункта, как видим, остается всего один шаг до выработки рекомендаций собственно для России. Согласно Лаврову, к переходу к социализму в нашей стране способствуют такие ее особенности как сельская община, артельные союзы, отсутствие у господствующих классов традиций политической организованности. Вместе с тем, серьезным препятствием к переходу к социализму является самодержавие и потому оно должно быть разрушено. Одновременно насущной и реально выполнимой задачей подготовки социальной революции в России является развитие в интеллигенции «научной социологической мысли» и пропаганда социалистических идей в народе. Это то поле деятельности, на котором Лавров видит самого себя и своих товарищей по разработке научной революционной теории. Поэтому он с радостью принимает на себя обязанности социалистической пропаганды в России, в том числе и в том случае, когда ему предложили возглавить редакцию журнала «Вперед». Впрочем, это произошло позже исторического периода, который рассматривается теперь.

* * *

Одним из наиболее талантливых и последовательных продолжателей идей А.И. Герцена и П.Л. Лаврова был один из основателей социологии в России¹³ **Николай Константинович Михайловский (1842 – 1904)**. Будучи студентом Петербургского института горных инженеров, в 1863 году за участие в студенческих волнениях он был из учебного заведения исключен и после непродолжительного периода времени, всецело посвященного самообразованию, занялся литературно-публицистической и собственно научной деятельностью, успешно сотрудничая с такими народнического

¹³ Известный отечественный историк, правовед и социолог М.М. Ковалевский, современник Михайловского, отмечал, что в качестве одного из творцов субъективной школы в российской социологии Михайловскому принадлежит «выдающаяся роль в подготовке русского общества к восприятию, критике и самостоятельному построению социологии». См.: Ковалевский М.М. Михайловский как социолог. Вестник Европы. 1913, № 4, с. 172.

направления журналами и альманахами как «Книжный вестник», «Невский сборник», «Отечественные записки».

Фигура Михайловского интересна прежде всего тем, что в своих работах он обнаруживает себя представителем активных городских слоев нового русского общества второй половины XIX столетия, прежде всего разночинной интеллигенции, чиновничества, мелкого и среднего дворянства. Эти социальные типы, еще вчера глубоко укорененные в деревенской России, теперь начали составлять собой поколения собственно городских жителей, все менее сохраняющих связи с сельской общностью. Мировидение именно этих социальных слоев оказывается ближе мировидению героев Н.Г. Чернышевского, Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского, к исследованию которых я перейду несколько позднее.

Как истинный последователь отечественных либерально-демократических традиций Михайловский был озабочен поиском путей и средств рационального переустройства на началах разума российской действительности, ставя во главу угла интересы и цели развитой личности и свободного народа. Пафос его научно-публицистических размышлений, совпадающий с сутью народнической идеологии, состоял в том, чтобы найти способы освобождения социальных низов для созидательного труда, выработки условий для полного расцвета человеческой индивидуальности.

Вместе с П. Лавровым, С. Южаковым и Н. Кареевым Михайловский по праву числится одним из основателей этико-социологического направления в русской социологии – субъективной школы. Все представители этого направления сходились в признании ведущей роли субъекта социального и политического действия в прогрессивном общественном развитии, но расходились в вопросе о том, кого считать таковым субъектом – отдельную личность или в целом народ. В целом сторонники русской социологической субъективной школы разделяли радикальные настроения, в соответствии с

которыми в стране должна была быть разрушена система самодержавно-православных смыслов и ценностей и построена система ценностей либерально-демократического свойства. Естественно, что такого рода идеология своим прямым продолжением имела радикальные настроения в среде молодых народников, реализовавших ее в начале 70-х годов в движение «хождение в народ»¹⁴. Подталкивание народа к разным формам протеста, призывы к социальной справедливости, мести имущим классам вплоть до физического устранения его представителей (вспомним слова Д. Каракозова при аресте), теоретические доводы в пользу социальной активности и солидарности в борьбе – все это входило в катехизис субъективной школы русской социологии.

Разрабатывая социологию, Михайловский прежде всего вскрывает те объективные трудности появления общественной науки, которые, на его взгляд, имеют место. Прежде всего, это объективная сложность явлений общественной жизни и неизбежное при их анализе вмешательство субъективного фактора. По его мнению, человеческое сознание испытывает множественные нагрузки. Оно детерминировано унаследованным опытом, содержащим культуру, обычаи, традиционную идеологию; оно зависит от личного опыта, представленного системой индивидуальных переживаний и оценок; оно, наконец, корректируется так называемым сочувственным опытом, включающим способности человека как бы почувствовать жизнь другого, посмотреть на мир чужими глазами. Условием достоверности получаемых в результате исследования мнений является, таким образом, тщательная проверка их эмпирического содержания и отыскание их источников¹⁵. Мнение, которое можно полагать предвзятым, становится таковым в случае, когда при его возникновении бессознательный или

¹⁴ Одним из первых это явление, как мы помним, проанализировал И.С. Тургенев в романе «Новь» (1876), хотя его близость ощущал уже И.А. Гончаров в романе «Обрыв» (1869).

¹⁵ Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в двух томах. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 1, с. 132.

сознательный прошлый опыт оказывается чрезмерно влиятельным. Препятствием же для этого выступает предшествующая умственная работа субъекта, а также его достаточно высокий нравственный уровень. То есть, выступая вслед за Г. Спенсером с позитивистских позиций, Н. Михайловский, тем не менее, не игнорировал психологическую сторону общественной жизни, равно как и индивидуальное человеческое начало, в чем следовал за П. Лавровым. В этой связи он недвусмысленно формулировал: «...Исключительное употребление в социологии метода объективного равнялось бы, если бы оно было возможно, складыванию аршин с пудами, из чего, между прочим, следует не то, что объективный метод должен быть совершенно удален из этой области исследований, а только то, что высший контроль должен здесь принадлежать субъективному методу.

...Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»¹⁶. За этими витиеватыми словами стоят довольно простые идеи о том, что общество должно быть устроено справедливо, а составляющие его индивиды иметь возможность всестороннего развития своих сил и способностей, как много яснее это уже сформулировал К. Маркс, в частности, в «Экономико-философских рукописях 1844 года». Впрочем, с марксизмом, представленном в это время в России Г.В. Плехановым, у Михайловского были серьезные расхождения.

* * *

¹⁶ Там же, сс. 138 - 139.

Еще одним представителем материалистическо-позитивистской линии в русской философии, начавший публиковаться в конце рассматриваемого периода 40-х – 60-х годов был видный философ, публицист и революционер **Петр Никитич Ткачев (1844 – 1885)**. Как и Лавров, выходец из дворянской семьи Псковской губернии, он поступил в Петербургский университет. Однако учиться ему не довелось. Начались студенческие волнения и Ткачев, как один из активных участников был арестован и заключен в Петропавловскую, а затем в Кронштадтскую крепость. В середине – второй половине 60-х годов он входит в революционные организации Ишутина – Худякова, а затем Лопатина – Волховского, члены которых под видом странствующих учителей занимались пропагандой среди крестьянства революционных идей. Позднее вместе с Нечаевым Ткачев входил в комитет студенческого движения в Петербурге, был арестован и четыре года провел в тюрьме. Будучи сослан в 1873 году в ссылку, бежал за границу и с 1875 года в Женеве издает журнал «Набат», ставший в народничестве органом радикально-экстремистского направления.

Среди тем, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике в период до конца 60-х годов можно указать лишь на большую статью П. Ткачева «Что такое партия прогресса (по поводу «Исторических писем» П.Л. Миртова¹⁷. 1870)». При всей общности общедемократических оснований, на которых строят свои рассуждения Лавров и Ткачев, главное возражение Ткачева автору «Исторических писем» состоит в том, что для него прогресс – субъективное понятие. «Для автора, - пишет Ткачев, - понятие прогресса – к какой бы области знаний оно ни применялось – имеет чисто формальный характер; человек наполняет эту категорию каким-нибудь субъективным понятием, каким-нибудь собственным, самим им созданным идеалом, и вот этот-то идеал, это-то субъективное понятие и есть для него критерий прогресса. ...В одно и то же время одно и то же явление может быть двумя

¹⁷ Псевдоним П.Л. Лаврова. – С.Н.

людьми с одинаковым правом рассматриваемо и как симптом прогресса, и как симптом регресса. Все зависит от точки зрения, от того субъективного идеала, который они делают критерием прогресса»¹⁸. И этот «произвол субъективности» имеет место в отношении явлений как природы, так и общества. С этим Ткачев категорически не согласен. Ведь если не может быть объективного критерия прогресса для истории, то не может быть и объективного критерия для истины. Однако человечество никогда не откажется от признания того, что для истины, равно как и для прогресса, критерии всегда есть. Это – очевидность, то есть «нечто такое, что каждый субъект, - каковы бы ни были вообще его личные воззрения, - считает для себя безусловно убедительным, т.е. истинным. Общность нашей физической, а следовательно, и психической делает возможным существование таких *нечто*. Эти-то *нечто* мы имеем право считать истинными *сами по себе* потому, что они истинны не для одного меня или вас, а для всех людей вообще»¹⁹.

Применительно к общественному развитию таким, каким оно, по мнению Ткачева, должно быть эти «*нечто*» означают, что «общество только тогда *вполне* может достигнуть своей задачи, когда оно: во-первых, объединит жизненные цели всех своих членов, т.е. поставит их в совершенно одинаковые условия воспитания и дальнейшей деятельности, сведет к одному общему знаменателю, к одной общей степени все хаотическое разнообразие индивидуальностей, выработавшееся путем регрессивного исторического движения; во-вторых, приведет в гармонию средства с потребностями, т.е. будет развивать в своих членах только те потребности, которые могут быть удовлетворены данной производительностью труда или которые могут непосредственно увеличить эту производительность или уменьшить трату на поддержание и развитие индивидуальности; в-третьих, всем потребностям каждого будет в равной мере гарантирована возможная

¹⁸ Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1, с. 467.

¹⁹ Там же, с. 470.

степень ...удовлетворения. Осуществить все эти три условия в возможно полной степени – вот конечная цель общества, и цель совершенно объективная, вытекающая из самой сущности человеческого общежития. Человеческое общежитие не может иметь другой задачи, как способствовать осуществлению жизненных целей образующих его индивидов. Жизненная цель каждого индивида состоит в сохранении и поддержании своей индивидуальности. Когда все члены общества стоят на одинаковой степени развития человеческой индивидуальности, тогда их жизненные цели одинаковы, они находятся в полной гармонии с общественной целью. Где нет этой гармонии, где общество не иначе может осуществить цель одних, как обидев других, где разнообразие индивидуальностей порождает разнообразие и противоречие индивидуальных целей, там осуществление обществом его задачи логически невыносимо.

...Итак, установление возможно полного равенства индивидуальностей ...и приведение потребностей всех и каждого в полную гармонию со средствами к их удовлетворению – такова конечная, единственно возможная цель человеческого общества, таков верховный критерий исторического социального прогресса. Все, что приближает общество к этой цели, то прогрессивно; все, что удаляет, то регрессивно»²⁰.

Между тем, как справедливо указывали в своей вводной статье к сочинениям П.Н. Ткачева В.Ф. Пустарнаков и Б.М. Шахматов, социология Ткачева несмотря на содержащуюся в ней тенденцию к объективизму не выходит за рамки субъективистской в своей основе народнической социологии. Что же касается спора между Ткачевым и Лавровым, то это скорее не спор, а столкновение ««видовых» концепций внутри одной «родовой» народнической социологии». И даже то, что Ткачев на словах апеллирует к Марксу, к его материалистическому пониманию истории, не предохраняет народника от субъективистского подхода к пониманию

²⁰ Там же, сс. 507 – 508.

общественного развития. В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркса необходимыми компонентами материалистического понимания истории называются способ производства, диалектика производительных сил и производственных отношений, диалектика экономического базиса, политической и юридической надстройки и форм общественного сознания. В то время как у Ткачева экономическая структура влияет лишь на формирование осознанного личного интереса, личных «расчетов и соображений».